

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH172507-522>

Магомедханов Магомедхан Магомедович,
д.и.н., зав. отделом этнографии
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
mkhan@yandex.ru

Садовой Александр Николаевич
д.и.н., проф., зав. лабораторией этносоциальных проблем
Субтропический научный центр РАН, Сочи, Россия
sadovoy.a.n@gmail.com

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕПОПУЛЯЦИИ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ДАГЕСТАН И СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ

Аннотация. В статье отмечается, что в отличие от горных экосистем Европы (Альпы) с высокими показателями плотности населения и интеграции сельской экономики в региональный и мировой рынок, для большей части горных районов субъектов Российской Федерации характерны устойчивость традиционных форм природопользования и жизнеобеспечения, сохранение традиционных социальных институтов, основанных на семейно-родственных связях. На примере Дагестана и Северной Осетии прослежены общие тенденции и локальные особенности миграции жителей горных районов на равнину. Отмечено, что в Дагестане в советские годы переселения горцев на равнину осуществлялись в полупринудительном, но все же плановом порядке и с весьма солидным для страны, пережившей революцию 1917 года, две мировые и Гражданскую войны, социальным и финансово-экономическим обеспечением, тогда как в постсоветский период миграции из горных территорий как в целом по Северному Кавказу, так и в Северной Осетии и Дагестане приобрели массовый, а в ряде высокогорных районов необратимый характер. Обоснован вывод о том, что перспективы этносоциальной динамики в этих республиках определяются не только факторами урбанизации, ростом численности и удельного веса населения в равнинных, преимущественно русскоязычных поселениях, функциональной стагнацией местных языков, но и демографической депрессией горных территорий, пока еще обеспечивающих воспроизводство в поколениях этноязыковой и этнокультурной идентичности. Подчеркнуто значение региональных и федерального курсов социальной политики, нацеленных на устойчивое социально-экономическое и экологическое развитие горных территорий, на сохранение их демографического потенциала и этнокультурных традиций. Подчеркнуто, что в отличие от центральных районов России и Сибири, где депопуляционные процессы в целом определялись снижением показателей рождаемости, при росте показателей смертности и миграционной активности, в горных районах Кавказа, где сохранялись как система внутриэтнической поддержки, так и основные функции семьи, изменение гендерной структуры населения во многом стало обуславливаться трудовыми миграциями.

Ключевые слова: Дагестан; Северная Осетия; депопуляция горных территорий; демографическая депрессия; этносоциальные последствия.

© Магомедханов М.М., Садовой А.Н., 2021

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2021

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH172507-522>

Magomedkhan M. Magomedkhan,
D.Sc. (History), Head of Department of Ethnography
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mkhan@yandex.ru

Alexander N. Sadovoy,
D.Sc. (in History), Prof., Head of Dept. of Laboratory of Ethnosocial problems
Subtropical Science Centre of the RAS, Sochi, Russia
sadovoy.a.n@gmail.com

ETHNO-SOCIAL CONSEQUENCES OF THE DEPOPULATION OF MOUNTAIN REGIONS: DAGESTAN AND NORTH OSSETIA

Abstract. In contrast to the mountainous ecosystems of Europe (Alps) with high rates of population density and the integration of the rural economy into the regional and world markets, most of the mountainous regions of the constituent entities of the Russian Federation are characterized by the stability of traditional forms of nature management and life support, the preservation of traditional social institutions that are based on family ties. On the example of Dagestan and North Ossetia, general trends and local features of migration of residents of mountainous regions to the plain are traced. The author notes that in Dagestan in the Soviet era, the resettlement of the highlanders to the plains was carried out in a semi-coercive, but still planned manner and with a very solid for a country that survived the 1917 revolution, two world wars and the Civil War, social, financial and economic support, while in the post-Soviet era the migration from mountainous areas both in the North Caucasus as a whole and in North Ossetia and Dagestan acquired a massive, and in several highland regions, irreversible character. The conclusion is drawn from the fact that the prospects of ethno-social dynamics in these republics are determined not only by the factors of urbanization, the growth in the number and proportion of the population in the lowland, predominantly Russian-speaking settlements, the functional stagnation of local languages, but also by the demographic depression of the mountainous areas, which still ensure the reproduction in generations of ethno-linguistic and ethnocultural identity. The paper highlights the importance of regional and federal courses of social policy aimed at sustainable socio-economic and environmental development of mountainous regions, at preserving their demographic potential and ethnocultural traditions. In contrast to the central regions of Russia and Siberia, where depopulation processes were generally determined by a decrease in fertility rates, with an increase in mortality and migration activity, in the mountainous regions of the Caucasus, where both the system of intra-ethnic support and the main functions of the family remained, a change in the gender structure of the population is largely determined by labor migration.

Keywords: Dagestan; North Ossetia; depopulation of mountain areas; demographic depression; ethno-social consequences.

© M.M. Magomedkhanov, A.N. Sadovoy, 2021

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2021

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

Введение

Согласно сложившимся в социальной антропологии и этнологии методологическим подходам, демографические параметры выступают в качестве наиболее ярких индикаторов этносоциальной обстановки как в сельской, так и городской среде. Процессы урбанизации, способствующие изменению как этнического состава, так и структуры населения (гендерной, социальной, этнической и др.), объективно инициирует этнокультурные процессы, определяющие региональную специфику системы внутри- и межэтнических коммуникаций. Последние необходимо учитывать при формировании регионального курса национальной политики, как составляющей федерального курса социальной политики, ориентированного на выравнивание уровня социально-экономического и социокультурного развития населения субъектов РФ [1].

После распада СССР, обусловившего системный политический кризис, и распада социалистического сектора сельской экономики, по ряду национальных республик возросла значимость меж- и внутри этнических социальных коммуникаций, которые исследователями конца XIX – начала XX вв. были отнесены к «традиционным», т.е. сохраняющимся на протяжении нескольких поколений. Особенно отчетливо эти тенденции стали проявляться в труднодоступных горных районах, где вертикальная зональность природно-территориальных комплексов (горных, горно-таежных, горностепных и опустыненных) оказала детерминирующее воздействие на системы природопользования. Устойчивость традиционных для горных территорий моделей жизнеобеспечения определялась факторами политической и экономической взаимозависимости, социальных связей, культурных взаимовлияний, интеграции горцев и жителей равнины.

С установлением советской власти «старая» система землевладения, землепользования, хозяйствования была объявлена с классовой и технологической точек зрения несправедливой и примитивной. Хотя достижения колхозного строя в горах вплоть до распада СССР держались на максимальном использовании трудовых ресурсов и народного опыта хозяйственного освоения горных экосистем [2; 3; 4], она рассматривались как «вековая отсталость», подлежащая преодолению радикальными, командно-административными мерами, как, например, разрушение уже обезлюдивших после переселения горных аулов, как это делалось (во избежание «обратничества») в отношении 144 горных селений, общины которых были выселены в упраздненную после депортации 23 февраля 1944 г. чеченцев и ингушей ЧИАССР. Туда же из 21 горного района ДАССР было переведено 109 колхозов, переселены жители еще из 110 горных селений. В общей сложности в упраздненную ЧИАССР было переселено «16100 хозяйств (62 тыс. человек) или 1/5 часть населения горной зоны Дагестана» [5, с. 87]. Переселение горцев Дагестана на территорию упразднённой ЧИАССР было осуществлено вопреки воле дагестанцев и *de facto* явилось закамуфлиро-

ванной политической акцией, спровоцировавшей неприязненные отношения между братскими во всех смыслах данного понятия дагестанским и чеченским народами.

Известно, что XX век в истории России и ее регионов отмечен тяжелыми демографическими потерями в двух мировых и Гражданской войнах, а также в результате репрессий в 1928–1938 гг. Для карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, как и для калмыков, крымских татар и других народов, истекшее столетие омрачено трагедией депортации 1943–1944 гг. Надо сказать, в этой связи, что насильственное переселение пятой части горцев Дагестана (62 тыс. чел.) на территорию упраздненных Чечено-Ингушской республики и Ауховского района Дагестана, вторичное (после репатриации чеченцев в 1957–1958 годах) переселение дагестанцев из Чечни на Родину, – все это негативно сказалось на социальном благополучии и чеченцев, и дагестанцев.

Социальные проблемы, обусловленные трудностями военного времени, голодом усугублялись еще и тем, что среди переселенцев, из-за непривычного для жителей горных селений климата равнинных районов, участились эпидемии малярии, дизентерии и др. инфекционных болезней, росла смертность.

С конца 1950-х до 1980-х годов с гор на плоскость было переселено около 250 тыс. человек, создано 75 новых населенных пунктов, возникло большое количество новых кварталов в старых равнинных селениях.

С середины 1980-х годов, и особенно в 1990-е, и в 2000-е (т.н. нулевые) годы миграции из горных территорий как в целом по Северному Кавказу, так и в Северной Осетии и Дагестане, приобрели массовый, а в ряде высокогорных районов необратимый характер [6, с. 125–143; 7, с. 24].

Миграции, изменение этнической структуры городов и районов, гендерное распределение рабочих мест и т.д., происходило в практически не управляемом (или управляемом руководителями равнинных городских и районных администраций в своекорыстных целях) режиме.

В отличие от центральных районов России и Сибири, где депопуляционные процессы в целом определялись снижением показателей рождаемости, при росте показателей смертности и миграционной активности, в горных районах Кавказа, где сохранялись как система внутриэтнической поддержки, так и основные функции семьи [8, с. 16–28; 9; 10], изменение гендерной структуры населения во многом стало обуславливаться трудовыми миграциями. Вследствие этого феномен «депопуляции горных районов» как следствие национальной политики сменил свое содержание. Государственная политика последовательного переселения «горцев» с традиционных мест компактного проживания, характерная как для имперского, так и советского политических режимов в постсоветский период, была переориентирована на политику минимального «вмешательства» органов федеральной власти в систему межэтнических отношений и «консервацию» тех традиционных социальных институтов, органов сельского и муниципального самоуправления, которые обеспечивали стабильную этносоциальную обстановку [11]. Отказ от технологий «социальной инже-

нерии» объективно способствовал тому, что механизм (комплекс причинно-следственных связей) современных этнодемографических процессов приобрел латентную форму. Эти сюжеты фактически не исследованы в региональной историографии, что формирует перспективу существенного расширения предметного поля исследований в области этнологии, этнической социологии, демографии; апробации новых методологических подходов при определении основных тенденций и региональной специфики изменения этнодемографической обстановки в субъектах Российской Федерации. Не вызывает сомнений, что региональные отличия изменения системы расселения и структуры населения объективно инициируют ряд этнокультурных процессов, в свою очередь определяющих тот спектр политических требований национальных общественных объединений, который формирует содержание «этнических интересов» и «требований» к изменению проводимого курса национальной политики.

Тенденции трансформации системы расселения и структуры населения

Степень изученности характера взаимосвязи между этнодемографическими и этнокультурными процессами по республикам Кавказа различна. Однако накопленный отечественными кавказоведами материал позволяет, на наш взгляд, акцентировать внимание на тех тенденциях изменения этнодемографической структуры, которые выступают основой научного прогнозирования на основе использования компаративного анализа. Приведенное ниже сопоставление республик Северной Осетии (Алании) и Дагестана ориентировано не столько на выявление аналогий в направленности и динамике изменений, сколько на определение наиболее перспективных тем научно-прикладных исследований для нового поколения исследователей.

Северная Осетия (Алания)

Из республик Северного Кавказа наиболее «урбанизированной» как в демографическом (городское население 65 %), так и социокультурном отношении является Северная Осетия (Алания). Наименьшие показатели городского населения характерны для Чеченской республики (около 35 %). По Дагестану, по состоянию на 1 января 2012 г., этот показатель составлял 44,6 % (от 2 млн. 957, 6 тыс. населения), при том, что в республике темпы урбанизации выступают более выраженным, чем в других субъектах РФ, фактором воздействия на современные этнокультурные процессы. Так, если в Чеченской Республике и в Республике Ингушетии большую часть сельского и городского населения составляют соответственно чеченцы и ингуши, то в Республике Дагестан ни один из коренных этносов не составляет и трети населения республики. Ситуация распределения представителей сельских анклавов в городских диаспорах как республики Дагестан, так и других субъектов РФ и корреляция процессов урба-

низации и этнической ассимиляции в региональной историографии фактически не исследована. То, что эти процессы взаимосвязаны, не вызывает сомнения. Возникают вопросы насколько эта связь устойчива, стоит ли ее учитывать при научном прогнозировании средне- и долгосрочных последствий современных демографических процессов? Целесообразно ли экстраполировать выявленные в соседних республиках тенденции на этнокультурные процессы в Республике Дагестан на основе применения компаративного (историко-сравнительного) анализа? И здесь Республика Северная Осетия (Алания) с ее высокими темпами урбанизации представляет особый интерес, поскольку в ее границах многонациональность далеко не всегда оказывалась детерминирующим фактором этноязыковой ассимиляции. Обратимся к общедоступным фактам. Так, по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г., численность осетин в РФ составила 528,5 тыс. человек, из них 87,0 % (459, 7 тыс. чел.) проживало, собственно, в Республике Северная Осетия (Алания). Имея в виду, что осетины за пределами Осетии (а это почти каждый восьмой представитель этого народа) проживают в русскоязычной среде, влияние их городских диаспор на функциональное состояние как осетинского языка, так и этнокультурные процессы на территории Республики, можно рассматривать как минимальное.

Система расселения и структура населения, собственно, на территории РСО(А) также не дает основания для утверждения о линейном характере взаимосвязи между увеличением доли городского населения в среде осетин и динамике языковой ассимиляции. По тем же данным Переписи 2010 г. населения РСО(А) составило 712980 чел. Собственно, городские жители осетин составляли 295247 чел. Большая часть горожан-осетин (213.313 чел. (72,2 %) проживала в городах Владикавказ и Моздок.

Общая направленность процессов урбанизации прослеживается по составу города и городского округа Владикавказ, где в 2010 г. уже проживало около половины (330148 чел. – 46,3 %) населения республики. Здесь мы сталкиваемся с глобальными (мировыми) тенденциями, для которых характерна концентрация населения в городских поселениях не только вследствие процессов расширенного воспроизводства (при сохранении традиционных социальных институтов), но и в результате миграционных процессов, способствующих уменьшению плотности расселения сельского населения и резкому сокращению числа населенных пунктов. Для горных экосистем, таких как Осетия и Дагестан, эти процессы имеют общую депопуляционную направленность. Следствием этих этнодемографических по характеру процессов стало то, что 45,7 % осетинского населения республики к началу XXI в. было сконцентрированы, фактически, в *одной городской агломерации*. При этом несмотря на то, что этнический облик Владикавказа и его окрестностей определяют осетины, функциональное поле осетинского языка составляет формально-статистически 63,9 %. Фактически же, город Владикавказ как республиканский центр по своему этническому составу остается русскоязычным городом. Определяется это тем, что 36, 1 % или более трети его населения составляют русские, 24,5 % – армяне,

3,5 % – грузины. С учетом доли других этнических групп (2,2 %) почти две трети населения города детерминируют ситуацию, при которой в системе межкультурных коммуникаций в границах города, определяющего основные тенденции социально-экономического и социокультурного развития республики, позиции языка автохтонного населения являются вторичными. Аналогичная ситуация характерна и для города Моздок, в котором осетин по состоянию на 2010 г. было всего 3209 чел. – 8,28 % от общего состава городского населения.

Принципиально иная ситуация в сфере межкультурных коммуникаций складывалась в моноэтнических (или близких им) по составу городах республики, в которых в 2019 г. проживало: в Алагире – 19178 чел. (91,5 %); Ардоне – 14672 (83,4 %); Беслане – 30637 (83,4 %); Дигоре – 10483 (95,7 %); Заводском (посёлок городского типа) – 12967 (77,2 %). С одной стороны, структура населения этих городов однозначно свидетельствует об имманентном характере и этнической составляющей процессов урбанизации в среде осетин. С другой стороны, удельный вес населения этих городов в общем составе населения республике (87937 чел. – 12,3 %) не дает, без веских оснований, определить уровень воздействия этнокультурных процессов в этой городской среде на этносоциальную обстановку как в сопредельных сельских районах, так и в республике в целом.

Что касается влияния горного населения, которая на 2009 г. состояла из 82 населенных пунктов с общей численностью 10700 человек (плотность – 2,3 чел./км²), это столь малая демографическая величина, чтобы сколько-нибудь существенно влиять на общий ход этнокультурных процессов [12]. В то же время, если следовать общепринятым в этнологии установкам, согласно которым моноэтнические по составу населенные пункты выступают основным потенциалом сохранения языковой и этнокультурной идентичности, то 87,9 тыс. человек, проживающих в моноэтнических городах, в совокупности с 164,4 тыс. чел. сельского населения дают нам более трети населения республики (252,3 тыс. чел.). Этот показатель, однозначно, обеспечивает стабильную этнодемографическую обстановку и перспективы сохранения традиционных социальных институтов, родного языка и отдельных составляющих системы и культуры жизнеобеспечения этноса. Нельзя сказать, что имеются сколько-нибудь серьезные, непреодолимые правовые препятствия для мобилизации гражданского, социального потенциала, немалого (более полумиллиона) демографического ресурса на вывод осетинского языка из состояния глубокой функциональной депрессии. Разумеется, существует ряд специфических для каждого из северокавказских регионов факторов этнокультурного развития. Так, в Северной Осетии «реализовалась двоякая сущность билингвизма: с одной стороны, благодаря русскому языку, компенсация недостаточности коммуникативных ресурсов родного языка, восполнение лакун в базовых потребностях языкового существования, успехи осетинского народа в создании современного общества с высоким уровнем образования, науки и культуры, приобщение к достижениям отечественной и мировой цивилизаций; с другой стороны, разрушение баланса языков,

которое привело к тому, что «созданы предпосылки к языковой ассимиляции осетинского этноса». реализовалась двоякая сущность билингвизма, его сложный и противоречивый характер, складывающийся из лингвистических, социологических, психологических, культурно-исторических и политических аспектов [13; 14]. При этом русский язык используется как основное средство восполнения утрачиваемых осетинским языком функциональных ролей в сферах науки, образования, литературы, освоения культурным достижениям осетин, народов России, мира [13].

Общую направленность и содержание демографических и этнокультурных процессов в Республике Северная Осетия (Алания), по мнению авторов статьи, можно рассматривать в качестве модели динамично меняющейся системы внутри- и межэтнических коммуникационных связей, позволяющей экстраполировать материалы Осетии на сопредельные горные районы, определить алгоритмы исследования, направленные на выявление региональной специфики этнических процессов и научное прогнозирование изменения этносоциальной обстановки. И здесь особое внимание следует обратить на то, что, в соответствии с принципами системного подхода к исследованиям взаимосвязи между демографическими и социокультурными процессами, прямой перенос тенденций, выявленных на «осетинском» материале на Республику Дагестан определяет некоторую корректировку с учетом более сложного этнического состава и специфики сохранившихся систем жизнеобеспечения, обусловленных характером проводимой национальной политики.

Дагестан

Для этнодемографических процессов на территории Республики Дагестан характерна как общегосударственная направленность, так и четко выраженная региональная специфика, определяемая ландшафтным окружением, системой расселения и этнической структурой населения. XX век для Дагестана, Осетии, Кавказа в целом, как и для всей России, – это период тяжелых демографических потерь, связанных с Первой мировой, Гражданской и Великой отечественной войнами. Раскулачивание, репрессии, физическое истребление духовных лиц в 1928–1938 годы, депортации в 1943–1944 гг. чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков, немцев Поволжья, турок-месхетинцев, насильственное переселение пятой части населения горных районов Дагестана на территории упраздненных Чечено-Ингушской республики и Ауховского района Дагестана, вторичное (после репатриации чеченцев в 1957–1958 гг.) переселение дагестанцев из Чечни в Дагестан, – все это можно рассматривать как в контексте выявления апробированных государством социальных технологий, направленных на «формирование» новой общественной формации, в которой нет места традиционным социальным институтам и ценностям, а этническая и конфессиональная идентификация становится вторичной по отношению к «гражданской». С другой, как проявление, собственно этнодемографических

процессов, объективно меняющих систему расселения и структуру населения, заданных полем исследования районов Дагестана. В этом контексте, социальные проблемы, обусловленные трудностями военного времени, голодом, непривычным для жителей горных селений климатом равнинных районов, частыми эпидемиями малярии, дизентерии и др. инфекционных болезней, отражались на росте показателей смертности, с одной стороны, и повышении привлекательности для переселенцев городов и районов с наиболее развитой социальной инфраструктурой. Несмотря на приверженность к традиционному укладу жизни в горной экологической среде, большинству возвратившихся в 1958 г. из Чечни на родину дагестанцев не оставалось лучшего выбора, чем воспользоваться предлагаемыми правительством материальными преференциями и обустроиться в низменных районах Дагестана [15]. Логика осознанного выбора новых мест проживания прослеживается по эпидемиологической ситуации в республике весной-летом 2020 г., когда в сельских анклавах отчетливо проявились последствия реформирования сформированной в советский период республиканской системы здравоохранения и качественное снижение уровня жизни сельского населения. При выявлении взаимосвязей и взаимозависимости демографических и этнокультурных процессов, определяющих современную этносоциальную обстановку и круг нерешаемых социальных проблем жителей горных анклавов, следует существенно расширить хронологические рамки исследования. Еще раз отметим, что связано это с тем, что содержание современных проблем во многом определялось политикой предшествующих десятилетий. Масштаб изменений, инициированных проводимой национальной политикой, определял темпы процессов урбанизации. В результате начатого в 1920-е годы и продолжавшегося вплоть до 1970-х годов массового переселения горцев на Прикаспийскую низменность, а также стремительного роста городского населения в 1970-е и последующие годы, численность населения высокогорных территорий уменьшилась до критических показателей, поставив под угрозу полное исчезновение социальных регуляторов природопользования. Прослеживается это в том, что в горной части Дагестана появились десятки заброшенных «сёл-призраков», более 90 тысяч га горных террасных полей, на формирование культурного слоя и системы орошения которых были потрачены столетия, выпали из хозяйственного оборота. Что касается Программы «Социально-экономическое развитие горных территорий Республики Дагестан на 2014–2018 годы», то она, как и аналогичные программы советского периода, была направлена на решение социальных проблем горных районов «вообще», а не конкретно на восстановление традиций землевладения и землепользования, которые были сохранены как оптимальные с точки зрения социальной справедливости и экономического благосостояния горных территорий в имперский и, отчасти, в советский период управления Дагестаном [16]. По истечению сроков упомянутой Программы остались нерешенными проблемы: а) формирования социальной страты земельных собственников (индивидуальных и коллективных), ориентированных на интеграцию новых

высокопродуктивных технологий в традиционные формы жизнеобеспечения и природопользования сельских анклавов; б) ввода в хозяйственный оборот заброшенных горных террасных пахотных земель и садовых участков; в) обеспечения сельхозпроизводителей средствами малой механизации (минитракторы, культиваторы, сенокосилки и др.); г) создания потребительских кооперативов; д), пересмотра ценовой политики на «горные», экологически чистые сельскохозяйственные продукты и др.

По настоящее время с политической повести дня не святы вопросы: восстановления традиционных форм животноводства, террасного земледелия, расширения садоводства и традиционных ремесел; создание полноценной социальной инфраструктуры (дорожная сеть, связь, транспорт, газификация, энергообеспечение и т. д.), без решения которых выравнивание качества жизни горцев и жителей равнины, преодоление демографической депрессии горных территорий Дагестана невозможно.

Постановлением Правительства РД от 18.02. 2020 г. № 21 принята Программа «Социально-экономическое развитие горных территорий Республики Дагестан» на 2020 - 2024 гг., по которой планируется потратить 1,19 млрд рублей. Надо полагать, что ее реализация приведет к ослаблению отмеченных демографических диспропорций между горными и равнинными районами РД.

Этнокультурные аспекты демографической ситуации в Республике Дагестан

Для понимания общей направленности этнокультурных процессов, инициированных изменением системы расселения и структуры (этнической, гендерной) населения Республики, следует обратить особое внимание на последовательную смену в общественном сознании установок, связанных с оценкой эффективности демографической политики СССР, проводимой в XX столетии. Как уже отмечалось, в советское время организованным, полупринудительным переселением из горных территорий Дагестана на равнинные земли подверглась почти пятая часть населения республики. Столь масштабная, повлиявшая на социальное благополучие всего Дагестана, «демографическая инженерия» объяснялась субъектами политики (на федеральном и региональном уровнях) экономической целесообразностью, проблемами развертывания за счет средств федерального центра социальной инфраструктуры (здравоохранения, образования, культуры) в отдаленных горных селениях и «интернационализации» всех сфер жизни. Последовательное и качественное изменение жизни, появление «социальных лифтов» для сельской молодежи, действующих до распада СССР, в какой-то мере способствовало тому что проводимый политический курс не вызывал явного отторжения, хотя и вызывал опасения рисками отхода подрастающих поколений от многовековых традиций регуляции социальных отношений, во многом, определяемых и религиозным мировосприятием действительности. Отказ от социальной направленности национальной политики

и ориентация правительства России в «постсоветский» период на «рыночные» формы регуляции повседневной жизни населения страны, объективно, способствовали тому, что в течение последующих за распадом СССР десятилетий вектор понимания «переселенческого вопроса» развернулся в совершенно противоположную сторону. В региональной историографии по проблематике все чаще стал проводиться тезис, согласно которому от командно-административной ломки естественного хода миграционных процессов и форсированного формирования в равнинной части многонациональных районов и поселений республика получила долгосрочные социальные и межэтнические проблемы. Фактически под сомнение была поставлена эффективность проводимого в советский период курса национальной политики.

Только при постановке вопроса о взаимосвязи политических и социокультурных процессов в историческом контексте, определении их локальной и региональной специфики мы сталкиваемся с широким спектром проблем уже методологического плана. Они определены тем, что следование в политологии, «монополизовавшей» этнополитические процессы как объект исследования, принципам «интернационализма», «толерантности» или «либеральных ценностей» и т.д. объективно входит в противоречие с базовыми понятиями социальной антропологии и этнологии о существовании в сельских этнических анклавах прямой и неразрывной взаимосвязи между традиционными социальными институтами, культурой жизнеобеспечения [17; 18], практикуемыми столетиями формами природопользования. Речь не о абсолютизации взаимообусловленности традиционных социальных институтов и традиционной культуры жизнеобеспечения или о том, что традиционные социальные институты не могут сохраняться в условиях модернизации экономики, а о том, что эта многоуровневая система социальных коммуникаций имеет свойство социальной мимикрии, она способна адаптироваться к любой форме государственного устройства, политическому режиму, курсу национальной политики. Не имея четко выраженных территориальных границ, система имеет свойство возрождаться при системных политических кризисах. Устойчивость придается наличием хотя бы нескольких сельских анклавов, население которых является носителем этнической территории и культуры.

Это свойство традиционных социальных институтов народов Кавказа воссоздавать не столько «этно-территориальные образования», сколько мега- и макросоциальные структуры, территориальные связи которых выходят за пределы традиционного расселения [19] и даже за пределы России, на наш взгляд, недооценивается политологами, стоящими на позиции конструктивизма. Согласно последним, «родная земля» рассматривается исключительно как территория формирования этнических общностей, объединяющихся в государства-нации. Таким образом она рассматривается в качестве категории, оказывающей прямое и однозначное воздействие на формирование государственных концепций национальной идентичности, политической, гражданской нации, процессы государственного строительства в среде этнических

меньшинств («нациестроительства»). При этом подходе деление территорий на административно-территориальные единицы с учетом этнического состава, языковых и этнокультурных запросов и интересов обитающего на оных территориях населения рассматривается как нечто губительное для сохранения целостности многонациональных, культурно-сложных государств. В подтверждение тезиса о «внутренней порочности» этого курса приводится развал СССР как следствие реализации идеологием большевизма и сепаратизма, согласно которым и происходило деление территории страны на союзные и автономные республики. Для «традиционалистов», вне зависимости от этнической самоидентификации и принадлежности к социальным стратам, этническая территория в ее «одухотворенной», насыщенной исторической памятью и патриотическими чувствами ипостаси составляет одну из основ национальной идентичности. Более того, устойчивость традиционной системы расселения рассматривается в ряду первостепенно важных условий сохранения исторического и культурного наследия народов. Между тем, демографические, этнокультурные последствия переселений с гор на равнину для Дагестана в целом и для его горных районов, в частности, все еще не стали предметом серьезного научного анализа, несмотря на явную актуальность этой проблематики. В этой связи, какие правовые и этно-социальные последствия можно ожидать от периодических напоминаний в СМИ, публикациях, бытовом общении горцам-переселенцам на равнину уже во 2-ом – 5-ом поколениях о том, то они проживают на «чужой этнической территории»? Сплочения дагестанского общества? Упрочения общероссийской гражданской идентичности? Урегулирования территориальных конфликтов без перевода последних в этническую плоскость? И это притом, что в условиях тотального этнического смешения и ассимиляционных процессов на равнине и в городах, где проживает две трети трехмиллионного населения Республики Дагестан, горные территории все еще имеют перспективы оставаться важнейшим фактором сохранения этнокультурной идентичности народов Дагестана. Научное обоснование отмеченных перспектив необходимо предполагает изучение всего комплекса вопросов социально-экономического, экологического, этнокультурного развития горных территорий, в том числе «возвращение в горы», «обратная» трудовая, культурно-бытовая, социально-психологическая адаптация к горным условиям «вчерашних горцев»; возможности свободного приобретения жителями равнины в своих «родовых» и «неродовых», существующих и «заброшенных» горных селениях земельных участков для строительства дома, создания фермерского хозяйства и т.д.

Заключение

Интеграционный характер исследований, диктующих выход на качественно новый уровень взаимодействия научных центров Кавказа, определяется тем, что выявленные в Северной Осетии (Алании) и Дагестане тенденции эт-

но-демографического и этно-социального развития горных территорий могут быть рассмотрены в качестве своеобразной «модели», экстраполируемой не только на республики Северного Кавказа, но и национальные районы по всей трансграничной зоне юга России, население которых сохранило традиционную социальную организацию и культуру жизнеобеспечения.

В то же время расширение предметной области и, следовательно, тем исследований по поднятой проблематике, определяет необходимость смены научной парадигмы, реорганизации полевых исследований, кардинального расширения числа научно-исследовательских групп, ориентированных не на анализ историографических источников, материалов масс-медиа, нормативных актов и платформ политических партий и движений, а на сбор полевого материала по максимально широкому спектру этнических процессов, «привязанному» к конкретным этническим группам, сельским анклавам, городским диаспорам и в соответствии с разрабатываемыми в современной отечественной историографии подходами [1; 20–24].

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проектов РФФИ 19-09-00490 а «Использование этнокультурных традиций в стратегии социально-экономического и экологического развития горных территорий Дагестана» и 19-29-05205 «Антропогенные почвы земледельческих террас Кавказа»

Acknowledgment. The publication was prepared within the framework of a research projects № 19-09-00490 “The use of ethno-cultural traditions in the strategy of socio-economic and environmental development of the mountain areas of Dagestan” and 19-29-05205 “Anthropogenic soils of the agricultural terraces of the Caucasus”, supported by the Russian Foundation for Basic Research.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Садовой А.Н., Белозерова М.В. Этническая экономика в горных экосистемах. методические аспекты анализа традиционных систем социальных коммуникаций // В сб.: Актуальные направления сбалансированного развития горных территорий в контексте междисциплинарного подхода. Материалы I Междунар. науч. конф. 2019. С. 213–217.

2. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 249 с.

3. Османов М-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху (Закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм). М.: Наука, 2002.

1. Sadovoy AN, Belozerova MV. Ethnic economics in mountain ecosystems. Methodological aspects of the analysis of traditional systems of social communications [Etnicheskaya ekonomika v gornykh ekosistemakh. metodicheskiye aspekty analiza traditsionnykh sistem sotsial'nykh kommunikatsiy] *Actual directions of the balanced development of mountain areas in the context of an interdisciplinary approach. Proceedings of the I International Scientific Conference.* 2019, p. 213–217. (In Russ.)

2. Kaloev BA. *Agriculture of the peoples of the North Caucasus [Zemledelie narodov Severnogo Kavkaza]*. Moscow: Nauka, 1981. (In Russ.)

4. Агларов М.А. Хиндалал. Аварцы горных долин Центрального и Западного Дагестана: Очерки традиционной культуры и этноэкономики / Под ред. Амирханова Х.А. Махачкала: МавраевЪ. 2018.
5. Ибрагимов М.-Р.А. Депортация населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и ее этнокультурные последствия // Вестник Дагестанского научного центра. № 43. С. 84–90.
6. Волкова Н.Г. Миграция и культурная адаптация горцев в условиях равнинного Кавказа (XIX–XX вв.) // Этнические процессы в современном мире / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М: Наука, 1987. С. 125–143
7. Мудуев Ш.С., Эльдаров Э.М. Северный Кавказ и Дагестан: социально-географические проблемы горных регионов. Махачкала, 2002.
8. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985. - 360 с.
9. Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984. № 6. С. 16–28.
10. Садовой А.Н., Пруель Н.А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. Научно-методический комплекс. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 168 с.
11. Магомедханов М.М. Дагестанцы: вехи этносоциальной истории. Махачкала, 2007–254 с.
12. Бероев Б.М., Макоев Х.Х. Основные проблемы горных территорий Северной Осетии // Устойчивое развитие горных территорий. 2009. Т. 1. № 1. С. 31–37.
13. Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ: СОГУ, 2007. - 290 с.
14. Дзуцев Х.В. Языковые престижи осетин Северной Осетии // Социологические исследования. № 12 (236). С. 134–137.
15. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. М.: Наука, 1988. – 313 с.
16. Магомедханов М.М., Рамазанова З.Б. Трансформация традиций землепользования в Нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 12 (74). С. 56–62.
3. Osmanov M-ZA. *Economic and cultural types (areas) of Dagestan in the Soviet era (Patterns of development and transformation, washing out of traditional forms)* [*Xozyajstvenno-kulturnye tipy (arealy) Dagestana v sovetskuyu epohu (Zakonomernosti razvitiya i transformacii, vymyvanie tradicionnyx form)*]. Moscow: Nauka. 2002. (In Russ.)
4. Aglarov MA. *Khindalals. Avars of the mountain valleys of Central and Western Dagestan: studies on traditional culture and ethno-economics* [*Avarcy gornyx dolin Centralnogo i Zapadnogo Dagestana: Oчерki tradicionnoj kultury i etnoekonomiki*]. Amirkhanov Kh.A (ed.). Makhachkala: Mavraev, 2018.(In Russ.)
5. Ibragimov M-RA. *Deportation of the population of Dagestan during the Great Patriotic War (1941-1945) and its ethnocultural consequences* [*Deportaciya naseleniya Dagestana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) i ee etnokulturnye posledstviya*]. *Bulletin of the Dagestan Scientific Centre*. 43:84-90. (In Russ.)
6. Volkova NG. *Migration and cultural adaptation of highlanders in the conditions of the lowland Caucasus (XIX-XX centuries)* [*Migraciya i kulturnaya adaptaciya gorcev v usloviyax ravninnogo Kavkaza (XIX-XX vv.)*]. Bromley Yu.V. (ed.). Moscow: Nauka, 1987:125-143. (In Russ.)
7. Muduev ShS, Eldarov EM. *North Caucasus and Dagestan: Socio-Geographical Problems of Mountainous Regions* [*Severnyj Kavkaz i Dagestan: socialno-geograficheskie problemy gornyx regionov*]. Makhachkala, 2002. (In Russ.)
8. Gadzhieva SSh. *Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th centuries* [*Semya i brak u narodov Dagestana v XIX - nachale XX v.*]. Moscow: Nauka, 1985. (In Russ.)
9. Gantskaya OA. *Family: structure, functions, types* [*Semya: struktura, funkicii, tipy* // *Sovetskaya Etnografia*]. *Soviet Ethnography*. 1984;(6):16-28. (In Russ.)
10. Sadovoy AN, Pruel NA. *Ethno-social monitoring: principles, methods, practice. Scientific and methodological complex* [*Etnosotsial'nyy monitoring: printsipy, metody, praktika. Nauchno-metodicheskij kompleks*]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1996. (In Russ.)

17. Козлов В.И. Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // Этническая экология. Теория и практика. М., 1991. С. 14–44.
18. Баденков Ю.П. Жизнь в горах. Природное и культурное разнообразие – разнообразие моделей развития. М.: ГЕОС, 2017. - 479 с.
19. Капустина Е.Л. Глобальное селение: судьба локальности применительно к современной социальной жизни в Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. № 15(4). С. 769–782.
20. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозерова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: ООО «Практика», 2014. - 358 с.
21. Гуня А.Н. Горное природопользование и процессы модернизации на Северном Кавказе // Эффективное развитие горных территорий России. Материалы Международной научно-практической конференции (Горный форум – 2016). Махачкала: ГАОУ ВПО ДГИНХ. С. 33–50.
22. Белозеров В.С., Полян П.М., Штадельбауэр Й. Геодемографические аспекты взаимодействия гор и равнин в их динамике (на примере Северного Кавказа) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2008. № 6. С. 42–50.
23. Garunova S.M., Chenciner R., Sadovoy A.N., Magomedhanov M.M., Bakanov A.V. Monetizing the mountains: towards the study of ethno-cultural and demographic aspects of the socio-economic development of the mountain Dagestan // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 4. С. 751–768.
24. Chenciner R., Magomedkhanov M. Ethno-Cultural Consequences of the Mass Migration of Highlanders of Dagestan to Plains // Proceedings of V International Congress of Caucasologists. Tbilisi, 2019. P. 301–302.
11. Magomedkhanov MM. *Dagestanis: Milestones in Ethnosocial History [Dagestancy: vexti etnosocialnoj istorii]*. Makhachkala, 2007. (In Russ.)
12. Beroev BM, Makoev KhKh. The main problems of the mountainous territories of North Ossetia [Osnovnye problemy gornyx territorij Severnoj Osetii] *Sustainable development of mountainous territories [Ustoichivoe razvitie gornyh territoriy]*. 2009; 1(1):31-37. (In Russ.)
13. Kambolov TT. *Language situation and language policy in North Ossetia: history, modernity, prospects [Yazykovaya situaciya i yazykovaya politika v Severnoj Osetii: istoriya, sovremennost, perspektivy]*. Vladikavkaz: SOGU, 2007. (In Russ.)
14. Dzutsev KhV. *Linguistic prestige of the Ossetians of North Ossetia [Yazykovye prestizhi osetin Severnoj Osetii // Sotsiologicheskoe issledovanie]*. *Sociological research*. 12(236):134-137. (In Russ.)
15. *Traditional and new elements in the modern life and culture of the Dagestani migrants [Tradicionnoe i novoe v sovremennom byte i kulture dagestancev-pereselencev]*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)
16. Magomedkhanov MM, Ramazanova ZB. Transformation of land-use traditions in Nagorno-Dagestan: historical experience and socio-economic effect [Transformatsiya traditsiy zemlepol'zovaniya v Nagornom Dagestane: istoricheskiy opyt i sotsial'no-ekonomicheskij effect] *Regional problems of economic transformation*. 2016;12 (74):56-62.(In Russ.)
17. Kozlov VI. Life support of the ethnos: the content of the concept and its ecological aspects [Zhizneobespechenie etnosa: sodержanie ponyatiya i ego ekologicheskie aspekty] *Ethnic ecology. Theory and practice*. Moscow, 1991: 14-44. (In Russ.)
18. Badenkov YuP. *Life in the mountains. Natural and cultural diversity – a variety of development models [Zhizn v gorax. Prirodnoe i kulturnoe raznoobrazie – raznoobrazie modelej razvitiya]*. Moscow: GEOS, 2017. (In Russ.)
19. Kapustina EL. Global settlement: the future of locality in relation to modern social life in Dagestan [*Globalnoe selenie: sudba lokalnosti primenitelno k sovremennoj socialnoj zhizni v Dagestane*]. *History, archaeology and ethnography of the Caucasus*. 2019;15(4):769-782.(In Russ.)

20. Poddubikov VV, Sadovoy AN, Belozero-va MV. *Examination and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous minorities: methods of applied ethnology* [Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy etnologii]. Kemerovo: LLC Praktika, 2014. (In Russ.)

21. Gunya AN. Mining nature management and modernization processes in the North Caucasus [Gornoe prirodopolzovanie i processy modernizacii na Severnom Kavkaze]. *Effective development of mountainous territories of Russia. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Mountain Forum - 2016)*. Makhachkala: GAOU VPO DGINKH: 33-50. (In Russ.)

22. Belozero V S, Polyana P M, Stadelbauer J. Geodemographic aspects of the interaction of mountains and plains in their dynamics (on the example of the North Caucasus) [Geodemograficheskie aspekty vzaimodejstviya gor i ravnin v ix dinamike (na primere Severnogo Kavkaza)]. *News of the Russian Academy of Sciences. Geography series*. 2008;(6):42-50. (In Russ.)

23. Garunova S M, Chenciner R, Sadovoy AN, Magomedhanov M M., Bakanov A V. Monetizing the mountains: towards the study of ethno-cultural and demographic aspects of the socio-economic development of the mountain Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2019, 15(4): 751-768.

24. Chenciner R, Magomedkhanov M. Ethno-Cultural Consequences of the Mass Migration of Highlanders of Dagestan to Plains. *Proceedings of the 5th International Congress of Caucasologists*. Tbilisi, 2019:301-302.

Статья поступила в редакцию 15.05.2021 г.